Объяснять миру жизнь. О Джеке Лондоне

Юрий Михайлович Агеев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биографические заметки о Джеке Лондоне.

- Юрий Агеев
  - ○

Юрий Агеев
ОБЪЯСНЯТЬ МИРУ ЖИЗНЬ. ДЖЕК ЛОНДОН

«…Если бы волчонок умел мыслить, как человек, он, возможно, пришел бы к выводу, что жизнь — это неутомимая жажда насыщения, а мир — арена, где сталкиваются все те, кто стремясь к насыщению, преследуют друг друга, охотятся друг за другом, поедают друг друга; арена, где льется кровь, где царит жестокость, слепая случайность и хаос без начала и конца…»

Джек Лондон

«Я — идеалист, который верит в реальную действительность…»

Джек Лондон

1.

Максим Горький, определяя творчество Джека Лондона, назвал его писателем, «который хорошо видел, глубоко чувствовал творческую силу воли и умел изображать волевых людей».

Но Лондон не только «умел изображать волевых людей», — он сам олицетворял благородство, силу воли и смелость поступков. О его исключительной незаурядности свидетельствует вся его жизнь, где он, плывя против течения, одолел этот заплыв и сумел сказать, написать и пробить в печать почти всё, что хотел опубликовать.

Джек Лондон родился 12 января 1876 года в Сан-Франциско, в семье профессиональных астрологов — Уильяма Генри Чани и Флоры Уэллман. Вскоре после его рождения отец покинул семья, и в том же году Флора выходит замуж вторично за сорокалетнего вдовца Джона Лондона. Сам Джон Лондон, к тому времени уже

отец десяти детей, привёз с собой в Сан-Франциско трёх младших: больного сына и двух дочерей. Можно представить себе все трудности, с которыми столкнулась молодая мать, входя в чужую семью. Это было существование на грани нищеты, где все усилия и успехи носили временный характер, а о лучшем даже мечтать не приходилось.

Среда, в которой рос Джек, не способствовала рождению писательского таланта. Трущобы, нужда, дно жизни, по правилам, навязанным правящим классом, не должны были иметь голоса, по крайней мере такого, который бы обличал существующую социальную несправедливось. Однако смышлёный и крепкий парнишка, прошедший школу нужды от разносчика газет, подённого рабочего, устричного пирата, матроса, бродяги и золотоискателя до пытливого исследователя истины, неделями не отрывающегося от письменного стола, до конца дней своих не утратил свежего восприятия и желания знать правду, справедливость, и претворять их в жизнь.

Тому, кто перенёс мало, эти слова покажутся патетичными или какими-либо ещё. Но тот, кто хлебнул достаточно и через край, признает в Джеке Лондоне своего писателя.

2.

Первый рассказ «Тайфун у берегов Японии» Лондон написал в 1893 году, когда, вернувшись из плаванья на промысловой шхуне «Софи Сазерленд», устроился на Оклендскую джутовую фабрику, получая за каторжную, изнурительную работу сущие гроши.

Инициатором написания рассказа была мать Лондона. Помнившая, что его отец, профессор Чани, издал несколько книг, она, выбрав удобный момент, показала сыну заметку из местной газеты «Сан-Франциско Колл», в которой объявлялся конкурс на лучший рассказ. Через день рассказ был готов и отослан в редакцию. А ещё через некоторое время дебютанту вручили первую премию в двадцать пять долларов. Джека это окрылило, он впервые серьёзно задумался о карьере писателя. Но за письменный стол он сел вновь только через год, когда вернулся из похода армии безработных на Вашингтон. Поход, благодаря стараниям властей, не удался, но будущий писатель извлёк из этих странствий немало тем, вошедших позднее в его рассказы.

«Потрясённый, я стал размышлять, — вспоминал писатель. — И наша сложная цивилизация предстала передо мной в своей обнажённой простоте. Вся жизнь сводилась к вопросу о пище и крове. Для того чтобы добыть кров и пищу, каждый что-нибудь

продавал… Всё было товаром, а все люди — продавцами и покупателями. Рабочий мог предложить для продажи только один товар — свои мускулы. На его честь на рынке не было спроса».

Тот, кто читал роман «Мартин Иден», помнит титанические усилия Мартина на ниве самообразования. В реальной жизни Лондон переплюнул своего героя в несколько раз! Один из исследователей творчества Лондона — И. Стоун пишет: «… Несмотря на пробелы в образовании, он ощущал в себе природные задатки учёного. В мире знаний он ориентировался не хуже, чем в штурманской рубке, не пугался неизвестных книг: он знал, что его трудно сбить с дороги, на которой он провёл достаточно времени, чтобы знать, какие земли надо разведать. Он был не из тех, кто подходит к книге с отмычкой, чтобы осторожненько взломать замок и украдкой стащить содержимое. Когда Джек Лондон, прокладывая тропу сквозь дебри, натыкался на новую книгу, он набрасывался на неё, как голодный волк, припавший к земле для прыжка. Он вонзался зубами в глотку; он яростно боролся с книгой, пока она не сдавалась, и тогда жадно высасывал из неё кровь, пожирал её плоть, разгрызал кости так, что каждая клеточка становилась частью его существа, переда в ему свою силу».

Период с 1894 по 1896 год уходит у Джека Лондона на самообразование. За месяц он прочитывает более тысячи книг самой разной направленности: философия, культурология, экономика, психология, биология, включая сюда океан переодики, выходившей в то время. В сжатые сроки Лондон приобретает знания, достаточные для успешного окончания любого университета.

Наконец Лондон поступает в Калифорнийский университет, где, проучившись первый семестр с 15–16 летними юнцами, разочаровался в системе образования, забрал документы, продолжив своё восхождение на литературном поприще. Но удача на этот раз была не на его стороне и пробить глухую стену журналов оказалось не по силам. Рукописи возвращались, мелкая подённая работа не могла вытянуть его из нужды и долгов.

3.

Золотая лихорадка, разразившаяся на Клондайке в 1896 году, буквально спасла Лондона. Отправившись в июле 1897 года на север вместе с другими искателями приключений, он избавился от двух главных зол: рутины однообразия и борьбы за существование в одиночку. Здесь на Аляске, где своеобразно, но

действовали законы товарищества и чести, он имел больше шансов уцелеть, чем в трущобах Сан-Франциско.

Ещё на пароходе он обзавёлся друзьями, которые не раз потом выручали его в трудные минуты. Золотоискатель Фред Томпсон, шахтёр Джим Гудман, плотник Слоупер, судья Салливан, доктор Харви, Джон Диллон — вот лишь несколько имён из многочисленного списка его друзей на Аляске.

Джек Лондон часто говорил, что отправился на Клондайк не столько за богатством, сколько за материалом для будущих книг. Через Чилкутский перевал он нёс вместе с грузом продовольствия и стопку книг, где были «Происхождение видов» Ч. Дарвина, «Капитал» Маркса, «Философия стиля» Г. Спенсера и «Потерянный рай» Мильтона.

Хижина Джека Лондона на берегу Юкона стала своеобразным клубом, где старатели сходились поспорить о литературе, политике, социализме, обо всём, что представляло тогда интерес среди американской интеллигенции.

Вспоминает хозяин смежной с лондоновской хижины В.Б.Хардгрейв: «…Не одну долгую ночь, когда всех других уже одолевал сон, просиживали мы с Джеком перед пылающими еловыми поленьями и говорили, говорили часами. Лениво развалясь, он сидел у грубо сложенной печки, отсветы огня играли на его лице, освещая мужественные, красивые черты. Что это был за превосходный образец человеческой природы! У него было чистое, полное радости, нежное, незлобивое сердце — сердце юноши, но без тени свойственного юности эгоизма. Он выглядел старше своих двадцати лет: тело гибкое и сильное, открытая у ворота шея, копна спутанных волос они падали ему на лоб, и он, занятый оживлённой беседой, нетерпеливо отбрасывал их назад. Чуткий рот — впрочем, он был способен принять и суровые, властные очертания; лучезарная улыбка; взгляд, нередко устремлённый куда-то вглубь себя. Лицо художника и мечтателя, но очерченное сильными штрихами, выдающими силу воли и безграничную энергию. Не комнатный житель, а человек вольных просторов — словом, настоящий человек, мужчина. Он был одержим жаждой правды. К религии, к экономике, ко всему на свете он подходил с одной меркой: „Что такое правда?“ В голове его рождались великие идеи. Встретившись с ним, нельзя было не ощутить всей силы воздействия незаурядного интеллекта. Он смотрел на жизнь с непоколебимой уверенностью, оставаясь спокойным и невозмутимым перед лицом смерти».

Старатель и охотник Эмиль Дженсен, весьма незаурядный человек, послуживший прототипом Мейлмута Кида в рассказе «Белое безмолвие» так отозвался о писателе: «Общение с Джеком

было освежающим, полезным и плодотворным. Он никогда не прикидывал: стоит ли рисковать, будет ли от этого польза? Он просто всегда был тут как тут, готовый обойти весь лагерь, если нечего читать; подсобить везти сани с дровами; на два дня исчезнуть в поисках пачки табаку, если видел, что мы раздражаемся по пустякам от нехватки курева. Будь то крупная услуга или пустяковая, прошенная или непрошенная, он предоставлял в твоё распоряжение не только себя, но и всё своё имущество. Лицо его освещалось никогда не меркнущей улыбкой…»

Цинга и тоска по цивилизации заставили его весной следующего года собраться в обратную дорогу. Отплывал он назад, конечно, не так, как герой его романа «Время-не-ждёт» Элам Харниш. Не было тысячной толпы провожающих, но чувства в душе у Лондона были те же. «Было тридцать градусов ниже нуля, ледяная кромка стала плотнее, а по Юкону плавала каша изо льда. На палубе „Сиэтла“ стоял Харниш и, прощаясь с друзьями, окликал их, махал им рукой. Когда отдали концы и пароход двинулся к середине реки, те, что стояли поближе, заметили слёзы на глазах Харниша. Он покидал страну, которая стала его родиной… Он сорвал с себя шапку и помахал ею.

— Прощайте! — крикнул он. — Прощайте все!»

Лондон не привёз с Аляски ни крупицы золота, но он вывез оттуда нечто более ценное, давшее силу доброй половине его повестей и романов, не считая сотни рассказов. Память его вобрала в себя те детали и мелочи, которые составляют жизнь, и без которых рассказ — не рассказ, а сухой газетный отчёт.

Ещё не раз он вернётся к северу в романах «Дочь снегов», «Время-не-ждёт», в «Белом Клыке» и «Зове предков».

4.

В январе 1899 года калифорнийский журнал «Оверленд мансли» публикует рассказ Джека Лондона «За тех, кто в пути», посвященный Клондайку. В феврале журнал «Трансконтинентальный еженедельник» печатает рассказ «Белое безмолвие» — один из шедевров северной эпопеи. Вчитайтесь в него, и вы реально ощутите дыхание севера, и вас заворожит белое безмолвие, почти поэтически переданное молодым писателем: «…У природы много способов убедить человека в его смертности: непрерывное чередование приливов и отливов, ярость бури, ужасы землетрясения, громовые раскаты небесной артилерии. Но всего сильнее, всего сокрушительнее — Белое

безмолвие в его бесстрастности. Ничто не шелохнётся, небо ярко, как отполированная медь, малейший шёпот кажется святотатством, и человек пугается собственного голоса. Единственная частица живого, передвигающаяся по призрачной пустыне мёртвого мира, он страшится собственной дерзости, остро сознавая, что он всего лишь червь. Сами собой возникают странные мысли, тайна вселенной ищет своего выражения. И на человека находит страх перед смертью, перед богом, перед всем миром, а вместе со страхом — надежда на воскресение и жизнь, и тоска по бессмертию — тщетное стремление пленной материи; вот тогда-то человек остаётся наедине с богом…»

Брешь в стене пробита. Отныне Джек Лондон выходит на дорогу профессионального писательства.

Большинство рассказов о севере Лондон написал в период с 1899 по 1905 годы, объединив в сборники «Сын волка»(1900), «Бог его отцов»(1901), «Дети Мороза»(1902), «Вера в человека»(1904), «Любовь к жизни»(1907). Как спортсмен на тренировках, Джек Лондон для выработки особого литературного стиля прочитывает по сотне стихотворений в день, ставит для себя норму писать не менее полутора тысяч слов в сутки. И это даёт положительные результаты. За короткое время им написаны «Сын Волка», «На Сороковой миле», «Тысяча дюжин», «На побывку», «В далёкой стране», «Через стремнины в Клондайк», поэма «Будь я Всевышним хоть на час», ряд статей и коротких рассказов. Все они были опубликованны. К июню Лондон печатается одновременно в пяти ведущих журналах США и прочно становится в ряд профессиональных писателей.

Конечно же, весь этот путь прокладывался в море невзгод и лишений, но писатель уже выбрал путеводную звезду и следовал за её светом.

Ощущение твёрдой почвы под ногами пришло, когда издательская фирма Хафтона Мифлина дала согласие на издание сборника коротких рассказов. Первым профессиональным критическим обозрением творчества Лондона был отзыв рецензента фирмы: «Автор, пожалуй, чересчур свободно использует ходовой приисковый жаргон, да и, вообще говоря, далеко не отличается изысканностью выражений, но стилю его присущи свежесть и кипучая сила. Яркими мазками рисует он муки голода, холода и тьмы; отраду, которую среди враждебных стихий находят люди в товариществе, и истинные человеческие достоинства, проявляющиеся в суровой борьбе с природой. Рассказ убеждает, что сам автор испытал эту жизнь…».

21 декабря, накануне нового века, Лондон подписывает договор с издательством. Впереди — шестнадцать лет борьбы

литературного творчества с косностью, консерватизмом и античеловеческой политикой мира, шестнадцать, воистину героических, лет!

5.

Литературная ситуация, сложившаяся в США к началу XX века, невольно вызывает в памяти вопрос, заданный Уолтом Уитменом: «…Где вклад Америки в собрание бессмертных памятников культуры, вклад, достойный её самой и современности? До сих пор наше демократическое общество (если рассматривать все его слои как одно целое) не имеет ничего».

Произведениям Джека Лондона, очищенным от влияния слюнявых и сентиментальных эпопей так называемых «нежных реалистов», замалчивающих пороки капиталистического общества, приходилось разгребать дорогу среди такого бульварного мусора, как романы Стенли Вейхмана — «Кавалер Франции» и «Под красной мантией», Клары Бернхэм — «Доктор Латимер», Ричарда Дэвиса — «Княжна Алин», Маргарет Деланд — «Джон Уорд, проповедник» и т. п… Но читатель безошибочно выбирал Джека Лондона, если его книги лежали на прилавке среди пёстрого книжного хлама.

Один из социалистических журналов — «Нью мэссиз» так определил влияние книг Лондона на массового читателя: «Настоящий пролетарский писатель — тот, кто не только пишет о рабочем классе, но и кого читают рабочие. Настоящий пролетарский писатель должен не только опираться на свой личный опыт пролетария, но и обязан начинить свои произведения духом протеста. Джек Лондон — настоящий пролетарский писатель, первый и пока единственный гениальный пролетарский писатель Америки. Рабочие, которые умеют читать, читают Джека Лондона. Фабричные рабочие, батраки, моряки, шахтёры, разносчики газет читают и перечитывают его книги. Он наиболее популярный писатель среди американских рабочих».

У буржуазного общества были другие ориентиры, однако талант молодого писателя приковал к себе внимание читателей и из высших слоёв общества, причём не на одно десятилетие.

С 1902 по 1909 год Лондон, по сути, ведёт духовную борьбу с самим собой, вырывая себя из рабства буржуазных предрассудков. Он по-новому определяет задачи современного писателя, дотоле следовавшего устоявшимся обрацам европейского классицизма: «…Вы должны научиться с пониманием всматриваться в лицо

жизни. Чтобы постичь характер и фазы того или иного движения, вы должны познать мотивы, которые движут личностью и массой, которые порождают и приводят в действие великие идеи, ведут на виселицу Джона Брауна… Писатель должен держать руку на пульсе жизни, и жизнь даст ему его собственную рабочую философию, при помощи которой он в свою очередь станет оценивать, взвешивать, сопоставлять и объяснять миру жизнь…».

Этим правилам писатель старается следовать всю свою дальнейшую жизнь, вопреки попыткам реакционного общества завернуть его на кривой путь.

6.

Лондон постепенно отходит от северной темы и вплотную обращается к среде униженных и оскорблённых, угнетаемому социальному классу.

Летом 1902 года писатель отправляется в Англию с целью изучить жизнь трущоб и написать книгу очерков о «людях дна», известных до того, в основном, по произведениям Диккенса и Гривунда.

Туманный Лондон (место действия книги очерков «Люди Бездны») на тот отрезок времени переживал относительно «хорошие» времена. После беспристрастного описания Джеком Лондоном восточной части города, где ютился рабочий люд, читателю оставалось задаться вопросом: относительно *чего* были хороши эти времена — относительно ада?

Читая «Людей Бездны», поражаешься современности звучания проблем городской бедноты начала века: «…Мы двинулись по узкой дорожке, посыпанной гравием. По обеим сторонам на скамьях сидели люди, уродливый и жалкий вид которых вызвал бы у Доре такой мрачный полёт фантазии, какого он не знал за всю свою жизнь. Скопище тряпья и грязи, отвратительные болезни, раны, кровоподтёки, хамство, уродство и непристойность. Дул холодный ветер, иные спали, закутавшись в свои лохмотья, другие пытались заснуть. Я насчитал там более десятка женщин — в возрасте от двадцати до семидесяти лет — и видел даже младенца, который спал на голой скамье, без одеяла, без подушки, и никого рядом с ним не было. Подальше шестеро мужчин спали сидя, прислонившись друг к другу. На соседней скамье разместилось семейство: жена дремала, держа на руках спящего ребёнка, а муж (или самец, если угодно) неумело чинил порванный башмак. Дальше женщина подравнивала ножом истрёпанный подол юбки, а другая, вооружившись иглой,

зашивала какие-то лохмотья. Рядом мужчина держал в объятиях спящую женщину. Ещё один, весь в грязи, — видимо он побывал в канаве, — спал, уткнув голову в колени женщины лет двадцати пяти. Она тоже спала…» Чем не картина любого крупного российского вокзала? Кому не хотелось воскликнуть вслед за героем-исследователем этих очерков воскликнуть: «Ради бога, уйдёмте отсюда!»? Но поможет ли нам — среднему слою между богатыми и нищими, такое отстранение от проблемы? Джек Лондон описывает и этот социальный слой людей: «…среди хаоса и бедствий я обнаружил отдельные уголки, где царило относительное благополучие… По вечерам мужчины сидят на улице возле дома — трубка в зубах, на коленях ребёнок, а жёны их, собравшись кучками, сплетничают. Слышатся смех, шутки. Эти люди явно довольны существованием, ибо по сравнению с окружающей нищетой им живётся хорошо.

И всё же в лучшем случае — это тупое, животное счастье, довольство сытого брюха… Набить брюхо, пососать вечером трубку да выпить кружку дешёвого пива — вот всё, что они стараются взять от жизни или о чём мечтают.

И уж пусть бы это было всё, но это не всё. Самодовольное отупение этих людей представляет собой убийственную инерцию, за которой следует полный распад. Прогресса нет; а раз они не идут вперёд — значит, катятся назад, в Бездну…»

«Я увидел много плохого, — пишет Лондон в предисловии к книге. — Я увидел голод и бездомность, увидел такую безысходную нищету, которая не изживается даже в периоды самого высокого экономического подъёма…»

Кажется, если бы не желание досадить своему историческому врагу, указать пальцем на его пороки, эта книга никогда не была бы издана в США, ибо отечественные трущобы ничем существенно не отличались от заокеанских. Впрочем, издатели настоятельно советовали опустить наиболее «опасные» места в «Людях Бездны». К чести писателя — он ответил категорическим отказом. Очерки вышли в том же году в нескольких номерах одного из американских журналов. Подобная ситуация сложилась со статьями писателя «Вопрос о максимуме»(1899) и «Революция»(1905), когда, купленные издательствами, они замалчивались в течении ряда лет, но были тут же напечатаны в журналах Англии и Германии.

Несколько позже Лондон задумывает подобную книгу и об Америке, дав ей рабочее название — «Американская бездна». В Хатингтонгской библиотеке сохранились наброски плана, составленного писателем. Цитирую дословно: «Я должен поехать в Нью-Йорк и написать такую же книгу, как „Люди Бездны“.

Глава про закоренелую проститутку… взять её окружение, изучить её жизнь, причины, жизненную философию, рассуждения о жизни, о вещах, на которые я поведу её и т. д., и т. п… И о её мировосприятии. Как она думает жить в старости.

Взять мальчишку, который никогда не бывал вне города, в деревню.

Взять старика или старуху в деревню.

Евреи. Социалисты. Анархисты…

Критиковать Рииса, городки для колледжей и т. д., отыскать какую-нибудь отвратительную тюрьму». Но этому замыслу не суждено было осуществиться.

Хотя финансовые дела складывались относительно благополучно (в его отсутствие вышли за один месяц три книги: «Дочь снегов», «Путешествие на „Ослепительном“», «Дети мороза»), семейная жизнь вызвала определённую депрессию, из которой вывела его лишь идея писать повесть о собаке. На этот раз это был «Зов предков», — история о домашнем псе — помеси сенбернара с шотландской овчаркой, которого так замучали люди, что в конце-концов он ушёл в волчью стаю. Повесть написалась за месяц. Отослав её в самый высокооплачиваемый журнал «Сатердей ивнинг пост» Лондон не расчитывал на скорый ответ, однако ответ пришёл и в нём было согласие на публикацию, а также чек на 750 долларов. Эта удача приподняла дух писателя. Дела его начинают идти в гору. Он продаёт издателю права на «Зов предков» и на вырученные деньги покупает парусный шлюп «Спрей», на борту которого, дрейфуя несколько дней по заливу, он пишет роман «Морской волк». В нём Лондон описывает столкновение добра и зла, олицетворяют которые два главных героя — журналист Хемфри Ван-Вейден и капитан шхуны «Призрак» Вулф Ларсен. Ларсен, закоренелый негодяй, исповедующий философию насилия и безнаказности, в порыве откровенности говорит Ван-Вейдену: «Сила всегда права. И к этому всё сводится. А слабость всегда виновата. Или лучше сказать так: быть сильным — это добро, а быть слабым — зло…». Обладая недюжинной силой, Ларсен в течении плаванья терроризирует команду с изощрённостью садиста, пытаясь на деле доказать Ван-Вейдену всю несостоятельность общечеловеческой морали.

Роман этот был задуман Лондоном с целью показать ущербность ницшеанской философии, ставившей личность, сверхчеловека, над моралью и обществом. «Сверхчеловек, — писал он о Ларсене, — явление антиобщественное по своим тенденциям, и в наши дни, в нашем сложном обществе и социологии его враждебная отчуждённость не может иметь

успеха. Отсюда непопулярность таких финансистов-сверхчеловеков, как Рокфеллер…»

В январе 1904 года роман был закончен и отдан в журнал «Сенчури мэгезин», к октябрю «Морской волк» вышел отдельной книгой.

7.

В конце 1904 и вплоть до середины 1905 года жестокие приступы депрессии и нежелания жить с новой силой обрушиваются на Джека Лондона. Вспоминая то время, он писал: «…Я испытывал такое непреодолимое желание умереть, что боялся, как бы не покончить с собой во сне. Я отдал друзьям свой револьвер и попросил их запрятать его так, чтобы рука моя, подчиняясь бессознательному влечению, не овладела им…»

Задержка с выплатой гонораров вынудила Лондона 7 января 1904 года отправиться в качестве военного корреспондента в Корею. Но эта поездка не оправдала себя. Больной и измученный он возвращается через несколько месяцев в Штаты, где, вдобавок ко всему, его ждёт развод со второй женой — Бесси Маддерн, наложившей арест на все авторские гонорары писателя.

Его третий брак с Чармиан Киттредж, вызывает в местных газетах шквал недоброжелательства и откровенной травли. Писателю не могли простить его открытой социалистической позиции и не замедлили воспользоваться семейными неурядицами.

Но тут к бытовым проблемам — события, происходящие в мире. Поражение российского пролетариата в 1905 году вызвало глубокую подавленность среди американских социалистов. К счастью, эта подавленность была временной и вскоре рабочее движение вновь набрало силу.

«Народ спас меня, — пишет Лондон. — Народ снова приковал меня к жизни. Оставалось ещё нечто, достойное борьбы, стоившее её. Я пустил по ветру всякое благоразумие и ещё с большим пылом ринулся в бой за социализм».

Выход из душевного кризиса Лондон вновь начинает романом. На этот раз книга о волке, прибившемся к людям. Белый Клык — главный персонаж романа, встретив хороших, справедливых людей, решает жить с ними и подчиняться их законам.

Роман «Белый Клык» (1906) тепло встретили читатели и критики.

К 1907 году Лондон заканчивает работу над романом

«Железная пята». По словам автора сюжет романа был навеян русской революцией 1905 года.

В образ главного героя Эрнеста Эвергарда писатель вкладывает те качества революционера, которыми хотел бы обладать сам. Книга построена в фантастическом жанре, но идеи, диалоги, события — всё говорит о современности, о происходящем в нынешнее время.

В этом романе Лондон как бы подводит итог своей деятельности пламенного защитника социализма.

8.

С весны 1907 года в творчестве Джека Лондона начался новый этап развития, по меткому определению одного из биографов, названный «вторым Клондайком».

Лондон отправляется в плаванье по Южным морям на спроектированной по его чертежам яхте «Снарк», совмещающей в себе качества шхуны и яхты. Желание путешествовать возникло, как всегда, спонтанно.

«Мы не слишком много думали о нашем маршруте, — пишет он в своей повести „Путешествие на „Снарке““. — Решено было только одно: наша первая остановка будет в Гонолулу. А куда мы направимся после Гавайских островов, мы в точности не знали. Это должно было решиться уже на месте. В общем мы знали только, что обойдём все Южные моря, заглянем на Самоа, в Новую Зеландию, Тасманию, Австралию, Новую Гвинею, на Борнео и Суматру, а затем отправимся на север, в Японию, через Филипинские острова. Потом очередь будет за Кореей, Китаем, Индией, а оттуда в Красное море и Средиземное. Затем предположения становились уже окончательно расплывчатыми, хотя много отдельных моментов было установлено совершенно точно — между прочим, и то, что в каждой из европейских стран мы проведём от одного до трёх месяцев… Одним словом, когда мы вернёмся обратно в Калифорнию, мы уже будем знать кое-что из географии…»

Около двух лет продлилось плаванье писателя на «Снарке», где с ним находились жена Чармиан, механик, штурман, кок и юнга.

Таити, Гаваи, Гонолулу, Соломоновы острова — в этих местах развёртывается действие его будущих романов «Приключение», «Джерри-островитянин», сборников «Рассказы южных морей», «Храм солнца» и «Черепахи Тасмана».

От длительного воздействия солнечных лучей у Лондона

началась тяжёлая болезнь — отслоение верхних слоёв эпидермиса. Пришлось возвращаться.

На борту «Снарка» писатель начал работу над романом «Мартин Иден», во многом автобиографичном, где делалась поытка показать наровне со становлением писательского таланта несостоятельность индивидуализма.

Буржуазная критика намеренно обходила вниманием главнейшие аспекты романа, находя в нём лишь ещё одну «трагическую национальную историю успеха» в американском обществе.

«Мартин Иден», несмотря на свою трагичность, стал настольной книгой многих писателей мира. Горький, Хемингуэй, Стоун, Евтушенко отмечали влияние этой книги на их решение заняться всерьёз литературным творчеством.

9.

К 1909 году в творчестве Лондона наметился надлом, спад, вызванный социальной безысходностью, тягостной атмосферой реакции, наступившей после поражения русской революции 1905 года.

Социалистическая партия Америки, членом которой он был с 1895 года, стала резко сдавать свои позиции, напрочь отказываясь от методов революционной борьбы. Не видя будущего в этом движении Лондон выходит из партии, определив причину выхода в своей «чрезмерной революционности».

Несколько лет он ещё пытается плыть против течения, фактически в полном одиночестве, создав такие произведения, как повесть «Алая чума», пьеса «Кража»(1910), рассказы «Мексиканец»(1913) и «Под палубным тентом», но уже в романах «Время-не-ждёт»(1910) и «Лунная долина»(1913) ясно звучит желание писателя уйти в глушь, отгородиться от идущей неправедными путями цивилизации размеренным бытом сельской жизни. Однако, терпя огромные убытки на сельскохозяйственном поприще, писатель был вынужден вернуться к своему основному ремеслу.

Слова измученного жизнью человека звучат в его последнем интервью: «…Вы можете думать, что я говорю неправду, но я ненавижу мою профессию. Я питаю отвращение к профессии, которую я выбрал… Единственная причина, почему я пишу, — хорошая оплата моего труда… Каждый мой рассказ пишется ради денег, которые придут ко мне. Я всегда пишу то, что хочет издатель, а не то, что мне нравится. Я вымучиваю из себя то, что

требуется капиталистическим издателям и что они покупают. А покупают они, исходя из бизнеса и что разрешает цензура. Издатели не интересуются правдой».

Наверное, этот вынужденный переход от творчества к ремесленичеству и имел в виду современник Лондона Эптон Синклёр, с горечью сказавший о нём: «Какой позор, какая трагедия для нашей литературы, что капиталистическая Америка с её индивидуалистической философией и хищническим эгоизмом украла у нас эту душу этого необыкновенно одарённого, талантливейшего человека».

10.

Последний год жизни Лондон провёл весьма неспокойно. Путешествия на суше сменились путешествиями по рекам. Одно время им владела мысль отправиться в Россию, где издали в то время уже два собрания сочинений и его книги пользовались огромным успехом.

Начата работа над четырьмя книгами — романом «Бюро убийств», романом «Христос», автобиографией «Моряк в седле» и повестью «Черри».

Джек Лондон планировал написать книгу о викингах, для чего собирался в поездку на полгода по Скандинавии.

Внезапная болезнь почек смешала все планы. Некоторое время Лондон не придавал значения новому недугу, но состояние постоянно ухудшалось.

22 ноября 1916 года, в результате случайной передозировки обезболивающего наркотика, Джек Лондон ушёл из жизни.

Его смерть не поставила логической точки в конце творческого пути. Несомненно, писатель остановился на распутье, решая: к какому берегу плыть?

Октябрьская революция 1917 года, всколыхнувшая мир, вырвала бы его из апатии, воскресила в нём угасающий пыл революционера и дала бы ему силы для создания нового, светлого этапа творчества, — прекрасных книг, пронизанных жизнелюбием, идеями добра и справедливости.

1996